

ПРОСТРАНСТВО КАК ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

© 2025 г. А.Н. Клепач^{а,*}

^аЭкономический факультет Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

*E-mail: klepach@yandex.ru

Поступила в редакцию 30.01.2025 г.

После доработки 04.02.2025 г.

Принята к публикации 05.02.2025 г.

Организация пространства – это одновременно и важнейший вызов, и ресурс развития экономики России. Возникает вопрос, какая стратегия организации пространства наиболее эффективна для страны и насколько она отражена в принятых стратегических документах. В новейшей истории экономика России прирастала преимущественно за счёт столичных агломераций, к которым в последние годы добавился фактор инвестиций в развитие новых субъектов РФ. В статье анализируются условия, при которых возможен поворот пространственной политики страны на Восток, к опережающему развитию Сибири, и как он может сказаться на темпах и качестве развития страны. Статья подготовлена на основе доклада на заседании Президиума РАН 15 октября 2024 г.

Ключевые слова: пространственное развитие, межрегиональное неравенство, макрорегионы, опорные города, качество городской и сельской среды.

DOI: 10.31857/S0869587325020048, EDN: AGVTEA

Рассматривая пространство как фактор экономического развития, хотелось бы оттолкнуться от понимания роли пространства в судьбе России, которое предложил Н.А. Бердяев: “Огромные пространства легко давались русскому народу, но нелегко давалась ему организация этих пространств в величайшее в мире государство, поддержание и охранение порядка в нём... Размеры русского государства ставили русскому народу почти непосильные задачи, держали русский народ в непомерном напряжении. Требования государства слишком мало оставляли свободного избытка сил. Вся внешняя деятельность русского человека шла на службу государству... Рус-

ская душа подавлена необъятными русскими полями и необъятными русскими снегами, она утопает и растворяется в этой необъятности” [1, с. 62–63]. Не буду спорить с великим философом о том, насколько русская душа была подавлена огромностью русского пространства, его многообразием и сложностью, а попробую осмыслить, что значит именно организация, а не освоение или экономическая эксплуатация пространства.

Действительно, огромная территория России требует повышенных (по сравнению с другими экономиками) расходов на транспортную инфраструктуру и логистических издержек, а также на поддержание целостности страны и обеспечение её безопасности. С другой стороны, большое пространство выступает как фактор, увеличивающий ресурсное богатство и природное разнообразие, повышенную устойчивость к природным, в том числе климатическим, изменениям. Образно говоря, огромное пространство требует дополнительных усилий по его сохранению, то есть необходимой энергии, но оно не устраняет свободного остатка сил, а задаёт особые требования к управлению свободой и увеличивает требования к согласованности, скоординированности всех элементов народного хозяйства, всех регионов и общества в целом. Скорее, надо говорить не о подавлении русской души

КЛЕПАЧ Андрей Николаевич – кандидат экономических наук, заведующий кафедрой макроэкономической политики и стратегического управления экономфака МГУ им. М.В. Ломоносова.

громადой пространств, а об особом типе соотношения ответственности, необходимости и свободы, роли коллективного действия и концентрации сил в руках государства.

Российское пространство, как известно, характеризуется крайне низкой плотностью экономической активности (отношение ВВП по ППС на квадратный километр): она в 16 раз ниже, чем в Китае, и в 20 раз, чем в США. Однако реальная экономическая плотность иная. Почти 2/3 ВВП и населения сосредоточено в Европейской части России, которая занимает 22% территории страны, при этом на столичные агломерации (Московскую и Санкт-Петербургскую) приходится более трети ВВП страны и только 20% населения. Россия и сейчас во многом остаётся пионерной страной, решающей задачи освоения арктических и сибирских малоизученных пространств. Прирастание России Сибирью и Арктикой, как писал М.В. Ломоносов, и сейчас, спустя почти два с половиной столетия, является не решённой в полной мере стратегической задачей будущего.

НЕРАВНОМЕРНОСТЬ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Пространственное развитие России характеризовалось за последние годы нарастанием *межрегионального экономического неравенства* при опережающем развитии столичных агломераций. Это проявляется в усилении неравенства регионов по большинству экономических показателей (ВРП на душу населения, уровень реальных доходов населения, темпы роста инвестиций, промышленности и др.) и лидерстве Московской агломерации по качеству городской среды [2, с. 114–129].

Быстрый рост российской экономики в начале 2000-х годов сопровождался усилением неравенства регионов по уровню развития. Наступившая

в 2008–2020 гг. стагнация привела к относительной стабилизации межрегионального неравенства, колебавшегося вокруг некоторого уровня. В 2021–2024 гг. вместе с общим ускорением экономического роста межрегиональное неравенство вновь стало углубляться (рис. 1).

Влияние экономического роста на межрегиональное неравенство в России и других странах носит не линейный, а, скорее, Ω -образный (немонотонный) характер. Когда страна начинает быстро развиваться, рост концентрируется в небольшом количестве регионов-лидеров, и региональное неравенство углубляется. При дальнейшем повышении уровня развития происходит пространственный переток труда и капитала, и региональное неравенство снижается. Возможна и другая зависимость: повышение уровня экономического развития и усиление его социальной направленности с какого-то рубежа ведёт к снижению неравенства, но затем рост вновь может увеличивать неравенство. Опыт США в начале и середине 2000-х годов показал, что развитие финансово-технологических, цифровых технологий и искусственного интеллекта ведёт к усилению неравенства. Формирование высокодоходного слоя, занятого разработкой новых технологий, одновременно ведёт к сокращению спроса на высоко- и среднеквалифицированных работников в традиционных секторах и увеличивает спрос на обслуживающий низкоквалифицированный и низкодородный слой работников [3]. В развитых странах в результате технологических изменений возникают так называемые “новая бедность” и “новый средний класс”, а, с другой стороны, — “поколение лежащих”, которые не стремятся работать и делать карьеру. В какой-то мере и в России благодаря росту ОПК и денежного довольствия образуется новый средний инженерно-рабочий и служилый класс. Важно, чтобы он стал устойчивым и после завершения СВО.

Агломерации имеют более высокие показатели ВРП на душу населения и более высокую произ-

Рис. 1. Динамика экономического неравенства российских регионов*

*По ВРП на душу населения, без учёта новых субъектов РФ. По предварительной оценке, после понижения в 2022 г. показатели неравенства в 2023–2024 гг. повысились.

Источник: Росстат и оценки Института исследований и экспертизы ВЭБ.РФ.

водительность труда, чем средние и малые города. Сверхконцентрация инвестиций в богатых регионах и чрезмерное неравенство в качестве жизни тормозят рост более бедных регионов. Однако усиление неравенства сверх определённых пределов снижает эффективность инвестиций (повышается капиталоемкость производства), создаёт избыточный переток человеческих ресурсов в агломерации, что снижает долгосрочный потенциал роста страны и может угрожать её целостности и безопасности.

Чрезмерные межрегиональные диспропорции в доходах домашних хозяйств ведут к снижению эффективности использования трудовых ресурсов (слабость социальных лифтов, неэффективная миграция между регионами и из страны), способствуют усилению неравенства в доступе к качественному образованию, здравоохранению и тем самым обострению проблемы социальной справедливости и перспектив долгосрочного устойчивого развития.

Таблица 1. Неравномерность экономического развития групп российских регионов*

ВРП на душу населения, в ценах 2022 г.	2018	2022	2024	2027	2030
Российская Федерация, тыс. руб.	896	959	1 019	1 114	1 191
Среднее по всем регионам	970	1 049	943	1 004	1 060
Медиана по всем регионам	596	647	599	642	678
Агломерационная группа, % от среднего по всем регионам**	143.6	140.7	138.8	141.5	140.6
Приграничная группа, % от среднего по всем регионам	56.2	54.6	55.4	55.4	55.6
Европейская часть, % от среднего по всем регионам	118.0	119.5	118.8	118.0	117.9
Южные регионы, % от среднего по всем регионам	38.9	38.3	37.7	37.5	37.5
Поволжье, % от среднего по всем регионам	59.1	58.6	59.4	60.5	61.4
Урал, % от среднего по всем регионам	61.2	61.4	63.4	63.5	64.0
Нефтяные регионы, % от среднего по всем регионам	491.1	493.7	481.1	467.7	456.0
Центральная Сибирь, % от среднего по всем регионам	63.14	61.87	61.33	61.63	61.77
Восточная Сибирь, % от среднего по всем регионам	92.5	96.3	96.3	96.0	97.3
Дальневосточная группа, % от среднего по всем регионам	153.5	152.9	159.1	162.5	165.1

Источник: Росстат и Институт исследований и экспертизы ВЭБ.

* 2022 г. – данные Росстата, 2024–2030 гг. – оценка и консервативный прогноз Института ВЭБ. Динамика суммарного ВРП в 2018–2024 гг. отличается от динамики ВВП России (в основном из-за различий в счёте экспорта и импорта).

** *Группа столичных агломераций* включает в себя Москву, Санкт-Петербург, Московскую и Ленинградскую области.

Приграничная группа регионов включает в себя регионы вблизи западной границы России и линии проведения Специальной военной операции, в том числе территории ЮФО и ЦФО (Республика Крым, Белгородская, Брянская, Воронежская, Калининградская, Курская, Ростовская области, г. Севастополь).

Группа южных регионов включает в себя регионы ЮФО и СКФО за исключением регионов приграничной группы.

Группа регионов Поволжья соответствует составу регионов ПФО.

Группа регионов Дальнего Востока не включает три региона ДФО (Забайкальский край, Республика Саха (Якутия) и Республика Бурятия), которые относятся к группе регионов Восточной Сибири.

Группа Центральной Сибири включает регионы СФО (Красноярский край, Республика Тыва, Республика Хакасия, Кемеровская область, Новосибирская, Омская, Томская области, Республика Алтай, Алтайский край) за исключением Иркутской области, которая относится к Восточной Сибири.

Группа регионов Восточной Сибири включает один регион СФО (Иркутская область) и регионы ДФО (Забайкальский край, Республика Саха (Якутия) и Республика Бурятия).

Группа нефтяных регионов включает регионы УФО (Тюменская область, Ханты-Мансийский АО, Ямало-Ненецкий АО), имеющих наибольший вклад в ВРП за счёт добычи полезных ископаемых.

Группы Урала включают регионы УФО (Свердловская, Челябинская, Курганская области), не вошедшие в группу нефтяных регионов.

Европейская группа регионов включает в себя все остальные субъекты Европейской части РФ.

Таблица 2. Оптимистичный целевой прогноз социальных параметров поворота российской экономики на Восток

Регионы	СКР (среднее значение)			ОПЖ (лет)*			Миграционный прирост, тыс. чел.			Соотношение доходов населения территории с г. Москва, с учётом разницы цен, %		
	2023	2035	2045	2023	2035	2045	2023	2023– 2035 (накопл.)	2023– 2045 (накопл.)	2023	2035	2045
ЦФО	1.25	1.60	1.76	75	81	84	122	1 690	3 153	62.3**	65.6**	80.0
СЗФО	1.38	1.77	1.94	74	80	83	36	526	938	67.2	68.1	75.0
ЮФО	1.34	1.74	1.90	74	79	82	53	807	1 510	58.8	62.3	75.0
СКФО	1.70	2.07	2.20	77	82	85	–10	–181	–306	46.8	54.0	70.0
ПФО	1.35	1.71	1.88	73	79	82	–1	414	956	57.0	62.8	75.0
УФО	1.67	2.03	2.16	73	79	83	28	398	865	69.1	70.4	80.0
Сибирский макрорегион	1.58	2.10	2.20	70.9	77.4	81.1	–15	274	1 016	55.7	63.6	80.0
ДФО без Восточной Сибири	1.55	1.93	2.03	70	77	80	–9	58	319	64.7	75.8	80.0

* Средневзвешенное значение по численности населения.

** Без учёта г. Москвы.

Источник: Институт ВЭБ.

Принятая в конце 2023 г. года новая Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года (далее – Стратегия) впервые поставила вопрос о необходимости сокращения межрегионального неравенства и в качестве целевых параметров для ДФО и СФО определила параметры повышения подушевого уровня ВВП по сравнению со среднероссийским, а также компенсацию ожидаемого сокращения населения и его возврат к уровню 2023 г.

В то же время Стратегия не предполагает, что Сибирь, точнее Сибирский федеральный округ, сможет преодолеть в целевом сценарии отставание от среднероссийского уровня к 2036 г. Численность населения Сибири и Дальнего Востока так и не достигнет уровня 1991 и даже 2020 г. Фактически и инерционный и целевой сценарии Стратегии носят консервативный характер и не предполагают значимого прирастания России Сибирью. Параметры Стратегии близки к консервативному сценарию пространственного развития Института ВЭБ.РФ, который предполагает, что в среднесрочной перспективе продолжится, хотя замедленными темпами, концентрация экономической активности в столичных агломерациях, при этом относительно улучшится положение не только на Дальнем Вос-

токе, но и в Поволжье, и на Урале (без Тюмени). Регионы Центральной и Восточной Сибири лишь немногим повысят свои показатели¹, тогда как превосходство нефтегазовых регионов над среднероссийским уровнем, скорее, несколько уменьшится. Есть риск, что разрыв в доходах и уровне развития приграничных геостратегических регионов, включая новые субъекты РФ, практически не сократится по сравнению с нынешним временем, а в среднесрочной перспективе может даже возрасти (табл. 1).

Параметры утверждённой Стратегии соответствуют общим среднегодовым темпам роста экономики – около 2%, тогда как в силу внешних и внутренних вызовов рост должен составлять не менее 3–3.5% в год, а в восточных регионах – не менее 5–6%. По сути, необходимо сформировать прорывной вариант пространственной стратегии,

¹ Стратегия пространственного развития предполагает, что отношение ВРП на душу населения в ДВФО и СФО к среднероссийскому уровню повысится в целевом варианте с 110.8 и 81% в 2022 г. до 112.2 и 83.6% в 2030 г. (по инерционному варианту – до 111.4 и 80.2% соответственно) [4]. По консервативному сценарию Института ВЭБ.РФ приняты другие границы макроэкономических округов, но прирост относительных показателей регионов оценивается в +12.2 и – 0.1 п.п.

который предполагал бы значительно более серьёзные структурные изменения в экономике регионов, приросте населения Сибири (как за счёт повышения рождаемости, так и внутренней и внешней миграции) и значительное улучшение качества жизни. Временной горизонт этой Стратегии необходимо определить не менее чем в 10–15 лет, так как многие эффекты инвестиционных проектов и изменений в демографическом поведении не проявят себя раньше. Значимые сдвиги в повороте России на Восток и в прирастании Сибирью возможны после 2030 г., но готовить их надо начинать сегодня.

Повышение качества жизни на территории Сибирского макрорегиона потенциально создаёт условия для увеличения численности населения на 3–4 млн человек к 2045–2050 гг., что перекрыло бы потери в период с 1991 г. Доходы жителей макрорегиона могли бы подтянуться к доходам в Европейской части России (без Москвы) и превысили бы среднероссийские показатели (табл. 2). Надо понимать, что приращение России Сибирью не может состояться без того, чтобы от этого выиграли сами сибиряки [5].

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И НЕЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПРОСТРАНСТВА

Есть вещи поважнее, чем экономика (чем ВВП, прибыли и инфляция). Как понимать организацию пространства в целом, а не только как пространственное изменение производства добавленной стоимости? Это многомерный, многоуровневый процесс, включающий в себя объект пространства (протяжённость территории, границы, недра, климатические и природные условия), субъект пространства (население, формы расселения, бизнес, властные структуры), принципы организации (цели, порядок, ценности) (рис. 2).

Развитие народного хозяйства может проявляться и как рост ВВП, и как рост ценности (многомерной – природной и социальной) национальной экономики в целом и её региональных частей. Необходимы комплексные индикаторы пространственного развития, отражающие характеристики размещения производительных сил и их функционирования и изменения качества жизненного пространства (городской и сельской среды).

В качестве примера можно рассматривать индекс развития человеческого потенциала ООН

и его компоненты. В отличие от динамики ВВП он показывает негативную динамику качества жизни в 2020–2022 гг., особенно в сфере здравоохранения при стагнации сферы образования (табл. 3).

У нас используются такие характеристики, как ключевые показатели эффективности губернаторов, различные индексы инвестиционного и экологического климата регионов, показатели качества городской среды (без сельской), но они не дают целостной картины развития региона или пространственного среза российской экономики. На необходимость разработки собственных национальных комплексных индикаторов качества жизни (в региональном разрезе и по городам) неоднократно указывали учёные и эксперты, но пока эта задача не решена.

Как понимать целостность пространственного развития и какими показателями её можно оценить? В сложившейся системе управления и стратегических документах выделяют следующие направления пространственного развития.

- Пространственное размещение населения: сбалансированное развитие крупных, малых городских и сельских форм поселений; межрегиональная и внешняя миграция.

- Пространство промышленных и аграрных центров (кластеров) – усиление комплексности и глубины переработки сырья с учётом экологических требований.

- Пространственная схема энергетики: опережающее развитие энергетики, его согласованность с перспективами экономического роста регионов. Согласование параметров генеральной схемы электроэнергетики с разрабатываемой новой Стратегией развития ТЭК с учётом сбалансированных долгосрочных тарифов на тепло и электроэнергию, сокращения перекрёстного субсидирования и обеспечения устойчивой работы электроэнергетического комплекса; преодоление локального дефицита электроэнергии.

- Пространственная схема транспортного развития – баланс между соединением опорных населённых пунктов и развитием эффективной опорной магистральной инфраструктуры в целом, включая экспортные транспортные коридоры и обеспечение транспортной целостности страны, повышение мобильности населения и скорости перевозки грузов.

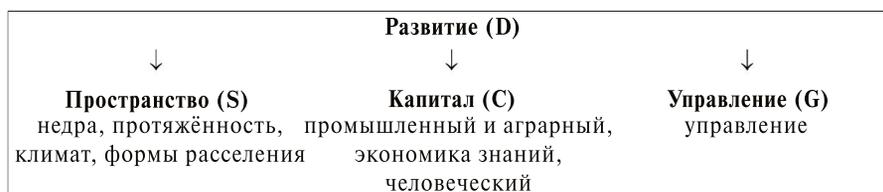

Рис. 2. Факторы развития

Таблица 3. Дифференциация федеральных округов по показателям человеческого капитала, %

Округа	Здоровье		Обучение		ВРП на душу населения по ППС 2011**		Индекс развития человеческого потенциала	
	2019/2013	2022/2019	2019/2013	2022/*2019	2019/2013	2022/2019	2019/2013	2022/2019
Всего	105.2	92.9	102.7	100.5	100.4	100.2	102.8	97.9
ЦФО	105.1	93.0	98.8	100.5	97.7	99.2	99.8	97.4
ДВФО	105.5	92.2	96.1	100.5	96.9	99.1	98.6	96.9
СЗФО	104.6	93.0	103.9	100.5	99.2	99.8	102.3	97.7
СКФО	104.8	92.8	98.9	100.5	96.8	99.0	99.0	96.9
ПФО	105.8	93.1	105.3	100.5	97.5	99.2	101.9	97.4
СФО	105.2	92.7	105.3	100.5	97.6	99.3	101.8	97.3
ЮФО	103.6	92.3	102.9	100.5	97.0	99.1	100.1	97.0
УФО	105.4	93.4	107.2	100.5	97.9	99.4	102.8	97.5

Источник: данные ООН.

*Росстат не опубликовал региональный разрез комплексного исследования условий жизни за 2020 и 2022 гг. в части условий труда, состояния сферы образования, здоровья, что ставит под сомнение оценки ООН. Остаётся открытым вопрос о точности нашей региональной статистики.

**Оценка ООН валового национального дохода (GNI) на душу населения по ППС 2011 г. значительно отличается от данных Росстата о динамике реальных располагаемых доходов населения (РРДН). Показатель GNI недооценивает падение реальных доходов населения в 2013–2019 гг. в целом по России и по федеральным округам, но он также недооценивает их рост в 2020–2022 гг., который перекрыл снижение предыдущих лет.

- Пространственное измерение развития системы здравоохранения – базовые доступные услуги (стандарты) и снижение неравенства. Упор на модернизацию первичного звена здравоохранения, а не только на высокотехнологичную медицинскую помощь.

- Пространственная схема развития образования и пространственный фактор развития научных центров и технологий (в Стратегии впервые появился раздел о научно-технологическом развитии, правда, без целевых значений): обновление статуса наукоградов и территорий с высоким научным и технологическим потенциалом, концентрация науки и технологий в центрах-лидерах, нахождение компромисса с региональным эффектом образовательных центров в малых и средних городах.

Сложность реализации Стратегии пространственного развития связана с отсутствием общей стратегии развития страны, хотя целевые параметры и направления заданы Указами Президента РФ и отражены в Едином плане по достижению национальных целей развития до 2030 года. Имеет значение и незавершённость работы по обновлению энергетической и транспортной стратегий, а также высокая неопределённость пространственного измерения национальных проектов, которое ещё только предстоит сформировать.

Новым важным принципом Стратегии стала её направленность на приоритетное формирование

сети опорных населённых пунктов (2300 опорных городских и сельских населённых пунктов, включая 76 городских агломераций), что должно способствовать реализации национальных целей и обеспечению национальной безопасности, в том числе за счёт доступности образования, медицинской помощи и услуг в сфере культуры для прилегающих территорий. При всей перспективности этой идеи и её планируемой сопряжённости с государственными программами развития транспортной инфраструктуры, здравоохранения и образования она не в силах масштабно повысить качество жизни, если не создать устойчивую и сильную муниципальную и региональную экономику. Стратегия верно ставит вопрос о повышении качества жизни в опорных населённых пунктах (на 30% к 2030 и на 60% к 2036 г., по-видимому, относительно уровня 2022 г.), но нет ясности в вопросе о том, каких это потребует средств и каковы ключевые направления и барьеры повышения качества городской среды (обеспеченность жильём, состояние коммунального хозяйства, благоустроенность, экология и др.). Неясно, как быть с выравниванием качества жизни и среды на прилегающих территориях и в населённых пунктах. Пока уровень неравенства в качестве городской среды зашкаливает. В 2022 г. средний Индекс качества городской среды по всем городам России составил 192 балла (по данным Минстроя России, хотя сам индекс требует совершенство-

вания), а по всем городам Западной и Восточной Сибири — 17. Из 30 городов, замыкающих список по качеству городской среды, 23 находятся на территории Западной и Восточной Сибири. Разрыв по числу баллов с Москвой даже региональных центров может составлять до двух раз. Высока на восточных территориях и внутрирегиональная дифференциация: например, в Иркутской области разница между областным центром и малым городом Алзамаем достигает 1.9 раза.

При всей важности разных типов расселения — агломерации, крупные и малые опорные и неопорные города и поселения² — в пространственной политике не следует отказываться от системы управления развитием территориально-производственных, научно-образовательных и технологических кластеров, макрорегионов, от решения проблем перестройки межбюджетных отношений. В новой версии Стратегии эти вопросы отсутствуют, но они присутствуют в жизни, и организация пространства строится, скорее, от макрорегионов и регионов к кластерам и потом уже к городам и населённым пунктам.

Задачи экономической связанности регионов, поддержания целостности страны, противостояния фрагментации и обособлению экономического пространства следует решать на уровне макрорегионов и межрегионального взаимодействия и только потом во взаимосвязи городов и поселений. Необходимо видеть перспективы не только опорных населённых пунктов и крупных городов, но в первую очередь регионов и кластеров, или “геоторий”³, которые обеспечивают комплексное развитие территории, использование её природных ресурсов, усиление производственного потенциала в сопряжении с народосбережением, повышением качества жизни и сохранением экологического баланса. Предстоит обосновать границы макрорегионов, сформировать систему управления ими, наладить межрегиональную кооперацию и сотрудничество, особенно применительно к макрорегионам Урала и Сибири. Возможно, в перспективе целесообразно пойти по пути укрупнения регионов (от 89 до 33, по примеру губерний Царской России) в сочетании с усилением местного самоуправления.

Новая Стратегия пространственного развития нуждается и в новой системе управления, которая, на наш взгляд, должна включать:

- поэтапное внедрение единого социального стандарта жизни и базовых социальных услуг на всей территории страны;

² По мнению экспертов, грань между городом и деревней до сих пор чётко не определена на федеральном уровне.

³ Геотория — это ограниченная часть поверхности Земли с присущими ей природными и антропогенными свойствами и ресурсами, которую характеризуют протяжённость и глубина, географическое положение и которая является объектом конкретной деятельности.

- обеспечение увязки пространственного управления с государственными программами федерального и регионального уровней через единый контур стратегического государственного планирования, согласованного с бюджетным процессом, но не превращённого в его придаток;

- разработку на общероссийском уровне прогноза развития регионов и макрорегионов (федеральных округов), согласованного с региональными прогнозами и целями Стратегии;

- подготовку Росстатом на регулярной основе региональных таблиц межотраслевого баланса с участием РАН;

- дополнение функционала Центра пространственного анализа новыми функциями: планирования пространственного развития и обязательной экспертизы крупных проектов с участием РАН; целесообразно определить двойное подчинение Центра Министерству экономического развития РФ и РАН.

Реализация этих задач позволит перейти от регионального управления к системному пространственному планированию и программированию, которые должны подчинить себе систему межбюджетных отношений и обеспечить сбалансированное развитие российской экономики в её единстве и региональном многообразии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бердяев Н.* Судьба России: опыты по психологии войны и национальности. М.: Изд. Г.Д. Лемана и С.И. Сахарова, 1918.
2. *Berdyayev N.* The Fate of Russia: Experiments in the Psychology of War and Nationality. Moscow: Publishing House of G.D. Lehman and S.I. Sakharov, 1918.
3. *Клепач А.Н.* Пространственное измерение долгосрочного роста российской экономики // Научные труды ВЭО России. 2024. Т. 4 (248). С. 114–129. DOI: 10.38197/2072-2060-2024-248-4-114-129
Klepach A.N. Spatial measurement of long-term growth of the Russian economy // Scientific works of the VEO of Russia. 2024, vol. 4 (248), pp. 114–119. DOI: 10.38197/2072-2060-2024-248-4-114-129
4. *Единак Е.А., Широков А.А.* Оценка взаимосвязи квалификационной структуры занятости и потребления домашних хозяйств с использованием таблиц “затраты–выпуск” // Проблемы прогнозирования. 2021. № 6(189). С. 6–19. DOI: 10.47711/0868-6351-189-6-19
Edinac E.A., Shirov A.A. Assessing the relationship between the qualification structure of employment and household consumption using input-output tables // Problems of Forecasting. 2021, no. 6 (189), pp. 6–19. DOI: 10.47711/0868-6351-189-6-19

5. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года. Распоряжение Правительства РФ от 28 декабря 2024 г. № 4146-р.
Strategy for spatial development of the Russian Federation for the period up to 2030 with a forecast up to 2036. Order of the Government of the Russian Federation of December 28, 2024 No. 4146-r.
6. Новый импульс Азиатской Сибири / Под ред. В.А. Крюкова, Н.И. Сулова. Новосибирск: СО РАН, 2022.
New Impulse of Asian Siberia / Ed. by V.A. Kryukov, N.I. Suslov. Novosibirsk: SB RAS, 2022.

SPACE AS A FACTOR OF ECONOMIC DEVELOPMENT

A.N. Klepach^{a,*}

^a*Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia*

^{*}*E-mail: klepach@yandex.ru*

Spatial organization is both the most important challenge and a resource for the development of the Russian economy. The question arises as to which spatial organization strategy is most effective for the country and to what extent it is reflected in the adopted strategic documents. In modern history, the Russian economy has grown mainly due to capital agglomerations, to which in recent years the factor of investments in the development of new subjects of the Russian Federation has been added. The article analyzes the conditions under which a turn of the country's spatial policy to the East, to the advanced development of Siberia, is possible, and how it can affect the pace and quality of the country's development.

The article is based on the report at the meeting of the Presidium of the Russian Academy of Sciences on October 15, 2024.

Keywords: spatial development, interregional inequality, macroregions, core cities, quality of urban and rural environment.